

ГЛАВА 1

ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ

Начальник штаба майор Холодец трясся в прицепе, подложив под зад пустой планшет. Карты, некогда находившиеся в нем, сейчас были у лейтенанта Мудрецкого, бросившего своего командира на произвол судьбы. Как только тракторишко, урча и надрывая всю свою мощь, взобрался на холмик и пошел с горки вниз, едкий дым, вырывающийся из трубы, стал окуривать майора. Холодец сморщился и закрыл нос рукой.

Впереди его ждало приятное — трактор вышел на асфальтовую дорогу и в кузове перестало сильно трясти. Теперь он мог не ерзать из угла в угол по прицепу, а сидеть в одном месте, обняв вещмешок с остатками еды.

Он сознавал, что едет обратно в часть, что месячная тренировка на выживание закончилась, но никак не мог себя заставить выбросить даже вымокший и негодный хлеб, выловленный в реке, и сложенные в полиэтиленовый пакет малосольные огурчики, выпавшие из разбившейся трехлитровой банки, — запасы местных жителей, дарованные оборванным и изголодавшимся солдатам. Иного транспорта, кроме как трактор, ему предложить не смогли.

Убедившись, что весь взвод, что называется, канул в реку и больше никогда к нему не вернется, Холодец, переночевав под открытым небом, не стал дожидаться, пока за ним пришлют хоть кого-то, и самостоятельно начал пробираться обратно к части. А путь был неблизкий — несколько сотен километров.

Холодец был зол, но не мог рассчитывать на то, что ему придется высказать свое неудовольствие командиру батальона. В таких случаях со Стойлохряковым лучше не связываться — он отрицательных высказываний в свой адрес от подчиненных не воспринимает и все попытки сделать из него виноватого подавляет очень жестоко, лишая, к примеру, каких-нибудь надбавок за месяц. У него это просто: в один день с тобой водку пьет, на следующий — щучит тебя до посинения. И то и другое доставляет ему превеликое удовольствие. Служба...

* * *

Взвод РХБЗ спал после завтрака. Подполковник разрешил не заниматься первую половину дня строевой подготовкой и позволил прибывшим вчера издолбаным химикам перевести дух. В армии такое случается нечасто — никого не волнует, откуда там тебя привезли, — распорядок есть распорядок. Но бывают исключения. Военные иногда тоже люди.

К обеду отдельный взвод химзащиты начал почесываться, и вскоре кое-кто выполз в туалет. После месяца в лесу сон на кровати казался чем-то волшебным и воспринимался ни больше ни меньше как дар богов. Удобная штука-то, оказывается, коечка. Когда под головой пусть у тебя и не пуховая подушка,

а набитая ватой, и не перина, а жесткий матрац, так все равно после прозябания на земельке ощущаешь себя королем.

Рядовой Резинкин Витя, на гражданке — авто-слесарь, здесь — целый автомеханик, приоткрыл один глаз и посмотрел на сослуживцев. Все спали, хотя день был в самом разгаре, и народ в части на-верняка сейчас или служил, или работал, а им выпала лафа — быть освобожденными от всех нарядов и до обеда пробарствовать.

Единственный открытый глаз рядового повернул-ся на изменение игры света и тени и узрел в дверях появившегося полуголого Петро Забейко в тапочках. Резинкин открыл и второй глаз и подумал, что сейчас дембель рявкнет и заставит весь взвод подняться. И он не ошибся.

* * *

На территорию части через КПП въехал мини-вэн «Фольксваген», а за ним следом — красная «Ауди-100». Две машины проехали по небольшой аллейке мимо плаца и остановились перед штабом отдельного батальона. Подполковник Стойлохряков знал о при-бытии гостей и успел нацепить на себя парадку, и вы-глядел достаточно представительно. Он даже умуд-рился найти такой ремень, которым удавалось затя-нуть пузо до минимально возможных размеров, и те-перь оно выпирало вперед не так сильно — можно было разговаривать с человеком на расстоянии вы-тянутой руки и при этом не касаться его собствен-ным пупом.

Он увидел из окна, как подъезжали машины, и, не

дожидаясь, пока они остановятся, стал спускаться со второго этажа вниз. Когда подполковник оказался на крыльце, все двери мини-вэна открылись почти одновременно, и из них вышли три молодые женщины — кто в брюках, кто в джинсах, — а также еще и два мужика, оба лыдые, в серых костюмчиках, несмотря на ожидающуюся жару. У одного — «дипломат», у другого — кожаная сумка. Из «Ауди» тоже показался мужик, но в отличие от этих, в сереньких костюмчиках, он был одет в голубую рубашку с коротким рукавом и белые джинсы.

Стойлохряков поклонился дамам, пожал руки всем мужикам и пригласил подняться к себе наверх.

Не успели гости расположиться в его кабинете, как вошел дежурный по части с одним подносом, потом исчез и принес еще. Носили чай, к приготовлению которого Стойлохряков предъявлял высокие требования. Главное, чтобы напиток был хорошо заварен. В понятии Стойлохрякова хорошо заваренный чай — это тот, который темно-коричневый. И обязательно, чтобы все тарелки и чашки были хорошо вымыты. Фарфор обязан быть белым. Это на гражданке на нем могут быть пятна, а в армии пятна только на камуфляже. К чаю обязательно подавался лимон и сахар в двух вариантах: в виде песка и в виде правильных кусочков рафинада.

Комбат наблюдал за разбором чашек со своего рабочего места. Этим гражданам он не хотел казаться доступным и поэтому расположился в огромном кресле. Широко расставив руки, он упер их в крышку стола и, поглядывая на гостей, попросил всех представиться, назвать, кто какое издание представляет.

Журналисты. Три девчонки, все из Москвы, два

сереньких лысеньких мужичка — самарские, а этот, прикативший самостоятельно на «Ауди», в голубенькой рубашке и белых джинсах, он не журналист, из округа приехал, скорее всего из контрразведки.

Подполковник знал, что в группе будет такой человек, и, когда ему высокий и плотный парень предъявил удостоверение заместителя начальника какой-то там вещевой службы, подполковник все прекрасно понял.

— Я надеюсь, — обратился хозяин части к гостям, — вас уже предупредили о том, что никакой фото- и видеоаппаратурой пользоваться на территории части нельзя. Надеюсь, все пройдет штатно.

Высокая фигуристая брюнетка с коротко стриженными волосами, нацепив на нос очки, заверила подполковника, что у них только ручки и бумага.

— Хорошо, — попытался улыбнуться Стойлохряков, но у него не получилось. Единственное, что заставляло его сейчас проявлять какое-то расположение к приехавшим, так это слова заместителя командующего Приволжским военным округом. Он посоветовал комбату произвести впечатление, для того чтобы о батальоне были написаны хорошие материалы. Хорошие статьи об армии, и конкретно о его части, могли бы способствовать более плавному прохождению обучения в Академии Генерального штаба.

Для подполковника, засидевшегося на должности, это был прекрасный шанс подняться выше. Ему без академии никогда не получить полковника, а значит, никогда не покинуть этот отдельный батальон. Для того чтобы расти, ему надо подучиться. Нужно только получить направление, и тогда, может быть,

они с женой остаток его службы проведут где-нибудь в городе, а не в этой дыре.

— Что бы вы хотели посмотреть? — обратился он к журналистам.

Самарские мужички тактично помалкивали, отдав инициативу в руки московским барышням.

— Для начала туалет, — сверкнула глазами высокая. — Да?

Мысленно Стойлохряков уже предвкушал реакцию на то, что они увидят в обычной воинской казарме, — сляпанный в свое время из ворованных стройматериалов сортирчик получился на славу, и его можно было показывать не только корреспондентам, но и снимать для журнала «Интерьер».

«Рыжая деваха лет двадцати, такая молодая, и уже журналистка. По частям ездит, наверное, только учиться закончила. Может быть, даже первая командировка», — думал о своем Стойлохряков, когда ему задавали вопрос.

Не удосужившись выпить чая больше одного глотка, эта девушка попросила у него минералки, но у подполковника минералки не было, и вслед за этим вопросом о холодненьком питье последовало пожелание посмотреть, как солдаты отдыхают на дискотеках.

Вначале Стойлохряков надул щеки, затем попытался расплыться в мягкой отцовской улыбке. У него еще были свежи воспоминания о дискотеке, случившейся месяц назад, и он больше подобных приключений не желал. Кое-как удалось замять гигантскую драку, случившуюся между двумя поселками и его химиками.

— Нет, — он замотал головой.

Рыжая подпрыгнула:

— Но нам сказали, что вы покажете все, что угодно!

— Я не могу показать то, чего нет, — неожиданно для девушек и вполне предсказуемо для человека из округа забасил комбат. — Солдаты в российской армии по дискотекам не ходят. Вы что, думаете, у нас здесь курорт?

Воздух разорвал шум лопастей вертолета, полковник подумал, что машина пролетит дальше, но ничего подобного, гул не исчезал.

Комбат встал и подошел к окну. За ним последовали и журналисты.

Все видели, как прямо на плац сел вертолет, из него кое-как вылез майор Холодец с вещмешком и планшетом, перекинутым через плечо. В руках у него была какая-то бумага. Он, не теряя времени, кивнул пилоту и направился напрямик в штаб.

Стойлохряков не желал сейчас наблюдать начальника штаба — он бы и не помешал, но, когда на майоре замызганный камуфляж, это не здорово — тут журналисты. Да и морда у него оказалась небритой. Он вошел и поздоровался вначале с начальником, затем с остальными.

Комбат с таким видом, будто вертолеты у него приземляются на плац каждый день, — ну не делать же из этого ЧП? — вышел из-за стола, пожал руку Холодцу, попросил его положить планшет и вещмешок в угол рядом с диваном и представил его журналистам:

— Это мой начальник штаба... А это вот, товарищ майор, к нам приехали журналисты из Москвы и из Самары.

— Я ничего не знал.

— А мы внезапно, — захохотала самая маленькая

из троих москвичек, — неожиданно. Мы, как Суворов через Альпы, взяли вот сели в «Фольксваген» и доехали к вам в Самару. Всего-навсего через сутки — мы уже здесь, правда, это здорово?!

— Глаша! — одернула шептунную девчонку высокая и фигуристая.

— А вы откуда? — поинтересовалась та, что думала, будто солдаты в армии по дискотекам ходят.

— Я-то?.. — задумался Холодец и стал пялиться на подполковника. Тот дернул плечами, развел руки в стороны и сделал простецкое лицо. Холодец понял его по-своему: — Ну, конечно, откуда же... с курорта. Вот отдыхал. Только собираться пришлось быстро, вертолет на полчаса раньше прислали — побриться не успел. А так ничего, все нормально. Готов приступить к службе.

Комбат дальше не слушал, что там нес его помощник. Он взял казавшуюся капелюшечной в его руках чашечку с чаем и шумно сквозь зубы втянул напиток. Осушив сосуд, он со звоном плюхнул чашку на блюдце:

— Что это у тебя в руках?

Холодец отдал подполковнику белый лист бумаги. Стойлохряков развернул и прочитал следующее: «Соседи, вы задолбали! Мы вам не таксисты».

Комбат понял, что это от вертолетчиков, сложил бумажечку и положил ее на стол под пепельницу.

— А что там? — поинтересовалась Лиза, та самая, которая все дискотеками озабочена.

— Там? — подполковник посмотрел на сложенный лист бумаги. — Это счет за доставку майора сюда в часть, причем за срочность надбавка.

— А в казармы, в казармы мы пойдем? — снова затараторила Глаша. — Я знаю, все мальчишки в ка-

зармах служат. Там и койки... В два яруса у вас койки, да? А может быть, и в три яруса койки есть?

— И в четыре, и в пять, — согласился Стойлохряков, — сейчас я вам все покажу, все, что хотите. Значит, туалеты вначале.

— Послушайте, — самая крупная поднялась и зафигурилась, — но ведь летать на вертолетах — это дорого. Я слышала, что один час полета на вертолете стоит...

— А, — перебил ее Стойлохряков, — вот видите, мы на дискотеки не ходим — экономим, а больше на вертолетах летаем.

Его умиляла ситуация. Прислали каких-то молодых дурочек — и чего от них ожидать, что они напишут? Может быть, ему стоит переключиться на этих вот лысеньких мужиков? Ведь если статья появится в Самаре, а там штаб округа. О-о-о... Да эти в Москве напишут, никто ничего здесь не узнает. А под носом статейку тиснут, потом его будут утюжить и склонять. Скажут, мол, никакой тебе академии, товарищ дорогой, оставайся ты подполковником и сиди в Чернодырье, там, где хорошо справляешься со своими обязанностями уже не первый год.

* * *

Аккурат перед приходом подполковника с журналистами на этаж злые солдаты — товарищи дембеля Кадакоев и Сизов — заставили бедного слона Заботу встать на колени, нагнуться вперед, в просторечии «встать раком», вытянуть руки в стороны с пустыми ведрами и медленно ползти в туалет с диким жужжа-

нием, имитируя медленно прибывающий на место зачистки говноуборщик.

Делегация вошла внутрь.

Комбат не орал ни на кого по одной-единственной причине — за его спиной стояли три размалеванные девушки и еще два лысых дядьки, а также крепкий молодой мужчина, для которого, судя по всему, находиться в казарме не впервой. Неподготовленные гражданские стояли с вытянутыми лицами. Они понимали, что застали какой-то фрагмент представления, а все вместе им увидеть не удалось, так как с появлением комбата шоу прекратилось.

Глаша выбежала перед комбатом и попросила его:

— Товарищ полковник, а нельзя повторить все еще раз, а то мы так ничего и не увидели. Это что, наверное, какая-то военная традиция?

Стойлохряков, хмурясь, разглядывал замершие по стойке смирно тела, словно изваяния.

— В российской армии много традиций. Это одна из. Все увидеть невозможно. Прошу вас, вы хотели посмотреть туалет. Вольно! — Солдаты выполнили команду «отомри» и двинулись в толчок. — Приказ терпеть! Сейчас я журналистам покажу нашу гордость.

Кадакоев дал пинка Заботе, и ведра предательски бряцнули друг о дружку. Желтушный Сизов залыбился.

— Везет тебе, Забота, никак ты до сортира не доползешь. Ничего, потом продолжим.

Вошли в галльон. Комбат с наслаждением слушал «охи» и «ахи», сам разглядывал сантехнику, что и говорить, он любил бывать здесь. Заходил на первый этаж, где обитала третья рота и химвзвод, как на про-

гулку — в другой мир просто попадаешь. Новенький кафель, розовая сантехника, все своровано этими же сраными солдатами. Конечно, он не говорил так вслух, но вспоминал, что все вот это вот должно было бы стоять в домах офицеров, а теперь этим пользуются солдаты. А все почему? Потому что он сам приказал сделать здесь ремонт — и они сделали. Дверь, отделяющая непосредственно туалет и умывальник, была выписана им когда-то на заказ и должна была...

Полковник предпочел сейчас не вспоминать, куда он ее там хотел поставить, но это же было... это же было... Это же было самым его большим, самым заветным желанием — поставить эту дверь в его собственную комнату. Но судьбе суждено было распорядиться иначе.

А тем временем к умывальнику подошла самая крупная из журналисток и повернула кран. Раздалось тихое шипение, и тугая струя ударила в раковину.

— О, да здесь у вас евроремонт! А что в казармах?

— Мы и так уже в казарме, — напомнил Стойлохряков. — Можете пройтись по кубрикам и посмотреть. Там все попроще, а этот туалет — ответ странам НАТО на расширение.

— Я обязательно об этом напишу, — заверила Лиза. — Здесь даже лучше, чем на дискотеке.

— Да, что у вас с этими дискотеками?

— Я вот просто слышала, что месяц назад у вас тут что-то произошло.

Подполковник изобразил лицо младенца:

— Что вы говорите? Я ничего не слышал.

— Там, говорят, даже были солдаты.

— Неужели? Может, один-два ушли в самоволку?

— А это бывает? — тут же подскочила Глаша.

— Послушайте, девушки, давайте мы пройдем и посмотрим кубрики.

Тут к нему подошел корреспондент из Самары и вежливо попросил:

— А можно у вас тут?..

— Да нет проблем, — согласился хозяин, — плату не берем. Наслаждайтесь, сколько влезет.

И двое лысых направились отлить.

— Извините, дамы, вот женских туалетов у нас тут нету, хотя я могу сейчас всех выпроводить...

— Нет, спасибо, — поблагодарила за всех Маша. — Мы пока не хотим. Правда, девочки?

Девочки и вправду не хотели.

Он ожидал каких угодно журналистов, только не тинейджеров, а вообще появление девушек возраста до шестидесяти в казармах нежелательно. «Здесь мужики голодные» — так размышлял комбат, подходя к первому попавшемуся кубрику. Он открыл дверь:

— Вот здесь у нас третья рота, — и вошел.

Раздалась команда: «Встать смирно!» Народ повскакивал со своих мест. Журналисты не стали заходить внутрь, посмотрели на натертые полы, помятые от сидения на них койки, вдохнули запахок, сморщили носы и поспешили выйти.

— Ну, здесь не очень интересно, — пожаловалась Лиза. — Может быть, вы нам танк покажете.

— Танк? — переспросил комбат с такой интонацией, будто дальше должно было последовать: «А что это такое и как это чудо выглядит?» Стойлохряков, изображая работу мысли, хмурился и шевелил бровями. — Ну, раз уж танк... Ну, танк так танк. Только башни не будет, хорошо? Танк без башни покажу.

Девчонки заинтересовались:

— Это что, новое российское оружие?
— Нет, оружие старое. Просто без башни.
— А зачем же танки без башни? — не унималась
Лиза.

Стойлохряков предложил все-таки выйти с этажа и уже на улице стал объяснять обступившим его журналистам:

— Понимаете, ну как вам, девушки, попроще объяснить? Вот знаете, в гаремах были евнухи, они могли за женщинами следить, но сами не могли. Ведь согласитесь, что евнухи — это полезные люди. — Девчонки похихикали. Мужики спокойно стояли и покуривали, почесывались — им было по фигу, что он им тут рассказывает про евнухов. — Ну так вот и с танками: у некоторых есть дуло, оно им как бы необходимо, чтобы стрелять, а другим — дула не надо, но они тоже полезные, всякую другую работу выполняют. Вот сейчас мы поедем в парк и посмотрим на танки без башни.

Стойлохряков отказался садиться в «Фольксваген», тем более что у него был запряжен на сегодняшний день в служебный «уазик» прапорщик Евздрихин, который и доставил всю эту процессию в парк. Здесь постоянно поддерживался более-менее нормальный порядок, и поэтому комбату было не стыдно — пусть смотрят, пусть что хотят пишут.

Когда они проходили мимо боксов, где у него стояли «БРДМы», корреспондент из Самары задал мужской и довольно-таки глубокий вопрос:

— А зачем дивизии ваш отдельный батальон?

Стойлохряков остановился, и соответственно все журналисты, которые приехали сюда собрать хоть какой-то материал, поспешили открыть блокноты и на-

чали записывать. Стойлохряков, в принципе-то, знал историю части и сейчас был готов в красках расписать все и вся, но набежавшие тучи, грозившие разразиться дождем, заставили его предложить гостям побыстрее познакомиться с техникой, поехать обратно в штаб, где он с удовольствием расскажет, что из чего вышло и что как получилось.

— Но все-таки интересно, — поддержала москвичка своего самарского коллегу.

— Отдельные батальоны, — говорил Стойлохряков, проходя мимо машин. — Вот, кстати, вам танки без башни. Вот видите, у них только маленькие пулеметики.

— Ой, да. Как интересно! — тараторила Глаша. — Действительно, у них нет дула!

— Ну вот, я же говорил — евнухи, — продолжал Стойлохряков. — Так вот, отдельные батальоны создавались для выполнения специфических задач. Ну, например, для проведения быстрой атакующей операции. Вот мы мотострелки, мы садимся на эти танки без башен и едем вперед, потом на ходу из них выпрыгивают солдаты и строятся в живую цепь...

— А это я по телевизору видела, — согласилась Маша, — когда еще маленькая была, в программе «Служу Советскому Союзу».

— Вот-вот, вот мы и служим, только уже не Союзу. И танк и, видите, у нас...

— Да-да, про танки мы уже все поняли, — согласилась Глаша. — Они у вас евнухи.

— Еще нам могут приказать во время проведения боевых действий, — тут Стойлохряков осознал, что во время войны могут приказать все, что угодно, но надо было вести все-таки правильно поставленную

дискуссию, тем более что он претендует после выхода положительных статей на учебу в академии, — могут приказать, допустим, сдерживать наступление противника. Что мы сможем выполнить с честью, — тут же добавил он.

Лысенские мужички в костюмах никак не среагировали, а вот в женских глазах вспыхнуло ощущение гордости за российских мужиков.

* * *

Пока экскурсия ходила по парку, в казарме перед обедом — уже вот-вот они должны были выходить строиться и идти в столовую — сидел на своей койке озабоченный рядовой Простаков, а над ним, свесив ножки, так, чтобы пятками не совать в лицо нижнему, располагался маленький Фрол Валетов, который также был погружен в собственные мысли. Он первым очнулся и потребовал, чтобы Простаков поделился тем, что зреет в его дремучей башке.

— Слушай, Леха, ты видел этих корреспонденток?

— Видел, — промычал сибиряк, — красивые телки.

— Ты и урод! — Фрол спрыгнул с верхней полки вниз на пол, и теперь они были одного роста, только Фрол стоял, а Простаков сидел. — Тебе эти бабы никого не напоминают?

— Бабы? Эти бабы напоминают мне женщин.

— Ты их видел когда-нибудь?

Гулливвер почесал за одним ухом, за другим, а потом с размаху ткнул кулачищем Фрола в грудь так, что у того дыхание перехватило.

— Точно, я вспомнил. Где-то я их уже видел. Вот

ту, здоровую, в особенности помню. Мне даже кажется, что я с ней когда-то трахался.

— Ну, — глаза Валетова горели, — только ты не бей больше так, даже если трахался ты с ней. А остальных припоминаешь?

— Нет, не могу ничего сказать. Это ты опять возвращаешься к той истории, что нам один и тот же сон снился? Выбрось все это из головы, это совсем другие бабы, я хотел сказать, женщины. В общем, телки, короче.

* * *

К обеду прибежал, запыхавшись, лейтенант Мудрецкий. Построив людей, он сообщил пренеприятнейшее известие — после приема пищи им придется организовать показательное выступление для приехавших в часть журналистов.

— Во-во, — недовольно бурчали те, что поопытнее, — это мы уже знаем, что для солдата праздник, как для лошади свадьба — голова в цветах, а жопа в мыле. Опять надо какое-то выступление. Мы тут каждый день выступаем.

— Прекратить разговоры, — буркнул взводник. — Давайте топать-лопать, а потом будем решать, чем людей удивлять, иху мать, — не удержался лейтенант, чем вызвал улыбки на лицах солдат. — Это так, для рифмы, — прокомментировал собственное выступление неудавшийся аспирант.

После обеда застроились на плацу. Кроме химвзвода еще и все три роты. Решали, кому куда под руководством майора Холодца. Он изредка улыбался, поглядывая на химиков. Лейтенант застроил сво-

их людей и дал команду: «Вольно!» — и стоял в полном неведении, что же будет дальше. Нигде комбата видно не было, всем распоряжался начальник штаба. А он очень уж приветливо начал свою вступительную речь, после того как все три роты распределил — кого на работу, кого на службу.

— Дорогой и родной мой химвзвод! Вот мы снова с вами встретились в неожиданном месте, — начальник штаба ухмылялся. Все надеялись на перлы, так как нормально и связно майор говорить не умел, и они не заставили себя долго ждать. — Во-первых, бойцы, разогните колени и выпятите вперед груди. Вы не в туалете, и вам еще пока нечего туда свешивать. Во-вторых, не расслабляйтесь после животов, набитых обедом, вам надо сейчас взять всю свою защитную резину и выйти сюда обратно для того, чтобы когда подойдут корреспонденты — и вы им всем покажете, какие лучшие вы солдаты. Придется немного похватать ртом воздух и делать будете вид, что вспотели. Всем все ясно?

Пожалуй, лучше начальника штаба им никто бы складывающуюся ситуацию не обрисовал. Ни у кого не оставалось сомнения, когда они вбегали в кладовки и доставали химзащиту, что сейчас будет «шоу слоников» — каждый наденет себе на морду гондон с хоботом, на ноги — бахилы, на плечи — плащ, на руки — перчатки и будет бегать по плацу.

Стойлохряков стоял на ступеньках вместе с приехавшими в часть корреспондентами и наблюдал, как химвзвод бежит в резине по жаре, нарезаая круги по плацу. Желая угодить дорогим гостям и своему непосредственному шефу, майор Холодец вышел на плац

и, когда мимо пробежали химики, отдал команду: «Запевай!»

Лейтенант Мудрецкий, которому приходилось для понту дела не то чтобы бежать с солдатами по кругу, а хотя бы так прохаживаться рядышком в быстром темпе, вопросительно посмотрел на Стойлохрякова. Люди были в противогазах, и сейчас им еще и песню петь. Что он, совсем, что ли, за эти дни перегулял на свежем воздухе и крыша съехала окончательно?

— Отставить, — смилостивился подполковник.

Корреспонденты вопросительно смотрели на него.

— Дело в том, что этот взвод укомплектован противогазами старого образца, поэтому они если и будут петь, то мы их будем плохо слышать. А вот в новых противогазах, в них есть динамики, ну, мембраны, однако у нас проблема со снабжением. Пока занимаемся в том, что есть. Можете даже отметить это в своих статьях, я был бы признателен. Ну а так вот видите, физическая подготовка солдат хорошая.

Шел десятый круг. Хоть плац и небольшой, но дышать в резине — занятие весьма неприятное. Проще говоря, легкие разрываются в поисках кислорода, а его нету. Одновременно приходится еще и шевелить мослами. Умные люди засовывают спичечные коробки между скулой и резинкой, так что немного свежего воздуха можно всосать со стороны. И такие фокусы проходят, а вот те, кто снизу противогаза выдирает клапана, препятствующие попаданию в защищенные области отравленного воздуха, тем приходится несладко, когда их отправляют в палатку, наполненную слезоточивым газом. Но сегодня никаких палаток им

не светило, это так, мелочи жизни, и у самых умных клапана отсутствовали.

И тут, пока взвод нарезал круги, со стороны показался рядовой Резинкин, успевший сгонять вместе с Петрусем по инициативе лейтенанта Мудрецкого в парк, где они нашли кусок длинной, толстой трубы. Принесли железку вдвоем, бросили на асфальт. От группы бегущих отделился здоровый такой солдат в противогазе и защитном костюме, подошел к этой трубе, положил ее на плечи и усилием рук согнул ее в дугу, после чего бросил к ногам ошарашенных зрителей.

— Да, — улыбался Стойлохряков, — у нас есть ребята, которые любых десантников замочат. Это химики — настоящая элита армии.

— Как же он к вам попал, когда в десанте людей не хватает? Набрать не могут, — справился один из двоих лысых.

— Ну как... — улыбался Стойлохряков. — Посылаем своих покупателей в военкоматы, ведем селекционную работу, так сказать, комплектуем личный состав. Здоровые люди — они везде нужны. Ну как, будем смотреть, пока они здесь все не лягут? Может быть, выясним, кто самый выносливый? Или же вернемся к истории части?

— Да нет, тут интересней, интересней! — загалдела Глаша.

Но на нее неприветливо посмотрели подруги, ведь парило — вроде как бы тучки, в то же время и солнышко проглядывает время от времени. Дождь не начинается. Давление пониженное, влажность большая. В своих блузочках и футболочках девчонки пропотели. Мужики, которые по приезду были в пиджаках, сейчас с себя их снимали и оставались в ру-

башках. Комбат также держал пиджак на сгибе руки и сейчас ратовал потихонечку за то, чтобы они поднялись в штаб. И тогда бы лейтенант Мудрецкий и начальник штаба закончили бы здесь выступление.

— А может, они нам еще что-нибудь покажут? — не унималась Глаша.

Стойлохряков передал через Холодца находящегося на плацу Мудрецкому, чтобы тот быстренько придумал еще что-нибудь. Лейтенант был обескуражен, он в цирке не работал. Что он сейчас здесь, жонглировать будет или на шпагат сядет? В то время пока он размышлял, его взвод нарезал круг за кругом, и все зависело от лейтенанта, когда он придумает что-нибудь.

Положение надо было спасать. Выматывать людей просто так, ради показухи, Мудрецкий не желал. Поскольку он взводник, считай, что он их папа, и последний раз наказывать людей, даже ради приезда каких-то корреспонденток...

— Шагом! — скомандовал лейтенант. — Отбой химической тревоги!

Люди с облегчением посрывали с себя «презервативы» и стали вытирать вспотевшие лица потными же руками, сдирая резиновые перчатки.

— Ну вот видите, — с наслаждением смотрел комбат на своих людей, — вот это и есть боевая подготовка. Сейчас нам лейтенант еще что-нибудь продемонстрирует, — с надеждой поспешил добавить комбат, хотя и не знал, что же можно такого еще выкинуть. Вот хорошо с трубой придумали, Простаков выступил. А что еще?

Резинкин не поленился и посчитал — они пробежали по небольшому плацу сорок шесть кругов. Это

не слишком много, но зачем же так вот с людьми после обеда? И когда их лейтенант остановил, Витек стал пялиться на молоденьких корреспонденток уже не через стекла противогоза, а, что называется, невооруженным глазом.

Тем временем Мудрецкий скомандовал:

— Интервал три метра!

Люди, стоящие в две шеренги, рассредоточились по плацу.

— Упор лежа принять! — скомандовал Мудрецкий.

Все нехотя уперлись руками в асфальт.

Вместо того чтобы скомандовать отжиматься, он приказал: «Запевай!» — как раз то самое, о чем мечтал Холодец.

Весь химвзвод стоял в упоре лежа и пел: «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой», и так далее.

Резинкин, стоя в упоре лежа, глядел на девок, которые что-то помечали в своих блокнотиках. Вот, наверное, напишут в статьях, какие есть необычные упражнения в российской армии.

После того как песню кое-как прогорланили, Холодец встал рядом с Мудрецким и скомандовал:

— Кто последний, — имелось в виду останется стоять в упоре лежа и не рухнет, — тот на завтрашний день будет освобожден от службы и сможет проваляться на кровати целые сутки, временно забыв о нахождении в части. Только кушать вставать, и все.

Пацаны завелись. В самом начале Резинкина заставляли отжиматься, и, на удивление, он делал это легко, мог большое число раз повторить одно и то же движение. Сейчас он был явным претендентом на победу и стоял в упоре лежа, упираясь только носками

ног и руками в асфальт, и усиленно потел. Химзащиту никто ведь не снимал. Он чувствовал, как по нему струятся ручейки пота, — тело обильно отдавало влагу. По лицу тоже текло.

Один за другим падали его сослуживцы. Простак держался, но вскоре и он рухнул. Остался Резина да сержант Батраков. Батрак стоял, как скала, но и она дала трещину секунд через двадцать. Последним оказался Резинкин.

Комбат был доволен — спортивный праздник удался. Девушки зааплодировали. Пришлось и самому главному командиру что-то сулить. Он подозвал победителя к себе и пожал цепкую руку Резины своей здоровой ручищей.

— Молодец, — похвалил он. — Что хочешь? — потом сам себя поправил: — Нет, ну это, конечно, слишком. Давай так, майор Холодец тебе один день отдыха пообещал, а я тебе три дня к отпуску.

Резинкину бы разулыбаться да отблагодарить, но он прекрасно знал, что сегодня комбат дни к отпуску прибавит, завтра отнимет — в результате ничего не будет.

— Разрешите, товарищ полковник, ответное слово! — попросил взмыленный рядовой. Не ожидая ничего такого, Стойлохряков скривился, но все-таки дал добро, не позориться же перед гостями. Попробовал бы он у него ответное слово попросить, когда никого постороннего на территории части нет, он ему дал бы возможность поразглагольствовать, разгребая помои. Но сегодня другой день. Журналисты приехали в часть, и надо держать марку.

— Да, — согласился он. — Сейчас вот наш това-

рищ поприветствует вас, так сказать, от рядового и сержантского состава.

— Спасибо, — поблагодарил Резинкин и спустился на две ступенечки вниз. — Дорогие журналисты, — начал он и после этого смотрел только на девушек, — знайте, пожалуйста, что мне легче вас всех по очереди трахнуть, чем здесь на плацу горбатиться. Думаю, в этом случае вы остались бы более довольными, нежели наблюдая за всем этим представлением.

Девки не сели только потому, что некуда. А тем временем Резинкин приложил руку к кепке и справился у своего начальника:

— Разрешите идти?

— Иди, — улыбался Стойлохряков, — иди. Становись в строй, сынок.

* * *

Через полчаса Резинкина выцепили. Нервно держащийся майор лично сообщил ему, что он сегодня идет в наряд по парку и проводит в этом наряде еще как минимум три дня, для того, чтобы, не дай бог, кто-нибудь его непрезентабельную рожу на видеокамеру не заснял и ненормативную лексику на диктофон не записал.

Строго говоря, оскорбление было нанесено лишь гражданским лицам, которые не попадали под юрисдикцию армейских законов. Соответственно, и воздействовать на рядового строго по законам подполковник не мог. Единственное, на что он был способен, так это запрятать его в парк. И здесь дело было не только в законах, а в том, что в принципе-то сол-

дат был прав — вся эта показуха, кому она нужна в их поселке Чернодырье, для чего?

Да, пожалуй, с академией придется повременить, можно себе представить, что там после таких слов эти девки у себя в Москве понапишут. А потом его доброжелатели покажут все эти статьи товарищам генералам, и если пустят его в академию, то только сортиры чистить.

Упрятав Резинкина в парк, подполковник надеялся замять инцидент. Он прикладывал все свое красноречие, даже, против обыкновения, без бутылки водки, для того чтобы обмаслить ситуацию, и переводил разговор на разные темы, касающиеся новых видов вооружения, перспектив развития, ну и тому подобное.

А Резина тем временем собрался за тридцать секунд и под контролем самого Холодца сел в «уазик» к прапорщику Евздрихину, который и отвез его в наряд, где сейчас торчал третий взвод третьей роты. Сегодня вечером, в шесть, должны были заступать именно химики. Каково же было удивление Резинкина, когда вместе с ним по парку отправился дежурить только лейтенант Мудрецкий, а никого из солдат больше не прислали.

— А почему никого нету? — спросил Витек.

— А потому как ты слишком здорово языком работаешь. Больше никого не будет. Один за двоих будешь тащить. Ночь не спать, за порядком следить. И так трое суток. Если тебя кто-нибудь застанет спящим, комбат найдет другие способы воздействия.

— А ведь вы, товарищ лейтенант, со мной согласны?

Мудрецкий подумал. Поскольку он был челове-

ком опытным, — как-никак, по молодости один развод пережил, — он согласился:

— Действительно, лучше с ними тремя, чем по плацу в противогазе бегать.

* * *

Наступила ночь. Похолодало. Градусов на улице пятнадцать-шестнадцать. Для лета ощутимо. Затопили буржуйку, и в кунге температура стремительно поползла вверх. Разморило.

— Хорош, — скомандовал Мудрецкий, — а то мы тут запаримся. Ну-ка, дверь открой. Не, — пожаловался лейтенант на собственную тупость, — зря печку топил. Какой воздух хороший был, сейчас опять все этим дымом провоняет.

И тут у ворот парка остановился «Фольксваген».

— Это че, — не понял Резинкин, — они че, не уехали?

Три девушки — уже никаких мужиков из Самары не было — вышли и подошли к воротам.

— Эй! — позвали они. — Узнаешь?

— Узнаю, да я на службе.

— Э-э, нет, — запела Глаша, — не надо. Что ты там нам пообещал сегодня на ступеньках?

Резинкин моргал — не верил ни глазам, ни ушам. Он стоял около ворот и глядел то на этих молодых кобыл, то на лейтенанта, высунувшегося из будки в дверь. Мудрецкий улыбался.

— Рядовой.

— Я! — воскликнул Резинкин.

— Разрешаю отсутствие в течение... — тут Мудрецкий сделал паузу и прикинул. — Да ладно, только